

Вырезка из газеты

ИЗВЕСТИЯ

★ 6 ФЕВ 42

от

Москва

Газета №

На берегах Невы

На кровати сидит худощавый человек в синем берете, накинув на плечи, точно плед, белый шерстяной платок. Лампа под матовым колпаком, стоящая на кипе книг, освещает его осунувшееся лицо. Положив тетрадь на поднятые колени, он непрерывно работает, точно ничто не изменилось в его жизни, работает от утра и до ночи. Зябко. Он откладывает перо, отогревает своим дыханием пальцы, потом продолжает писать книгу.

За дверями комнаты, в которой работает этот человек, известный в Советской стране как народный артист, музыковед и композитор, за дверями этой комнаты Бориса Асафьева проносятся быстрые шаги и легкий шелест платья. Там театральное фойе. Сейчас — антракт. Но он не слышит. Он пишет.

Давно композитор не чувствовал такой жажды деятельности — вопреки всему! Он написал во время войны: «Строгие напевы», сюиту «Суворова», цикл русских ноктюрнов «Ночное», симфонию «Родина». На грохот бомбардировок художник ответил патристическими произведениями.

Потом пришел день — на площади, где он жил, разорвался первый снаряд. Со звоном полетели осколки стекол. Что же, очевидно, надо прощаться с квартирой, с которой связало столько воспоминаний, — здесь он писал музыку для «Бахчисарайского фонтана», здесь создавал «Плямя Парижа», здесь работал над «Кавказским пленником». А теперь, видно, нужно отсюда уходить. Ему предложили совсем уехать: «Вы получите место на самолете». Он усмехнулся. Двадцать два года назад, когда городу угрожал Юденич, Асафьева вызвал Луначарский: «Вот вам паспорт для выезда. Рад за вас». Он принял паспорт, а потом, спускаясь с лестницы, паспорт разорвал. Вот почему он теперь усмехнулся. «Я — ленинградец. Здесь вся моя жизнь. Мне ехать некуда». Но из квартиры все же пришлось выехать.

И он пересек в театр имени Пушкина. Здесь он решил жить, писать, работать. В работе видит он свой патристический долг, свою обязанность.

...Давно закончен спектакль в театре. Пусты коридоры и фойе. Величественное российское здание, чуть белея колоннами, стоит на площади перед заснеженными деревьями, точно застывший каменный корабль. Показываются на ветру по углам здания старинные фонари, памятные театральные разезды времен Пушкина.

...В другой части города в старом елизаветинском здании, окруженном толстой каменной галлереей, двое ученых ведут в одной из комнат тихий разговор. Сквозь стекла двери мерцает «летучая мышь», там виден стол.

Один — профессор Ягунов — в длинном здании на Васильевском острове проводил исследования по поведению человеческого организма на больших высотах. Другой — профессор Долинов — за оградой на тихой и узкой улице, обсаженной деревьями, продолжал в лаборатории ВИАМ разработку павловской теории о воздействии коры головного мозга на течение болезней.

Один организовал на аэродроме «виварии», заполненный белыми мышами, кроликами, морскими свинками, летал с ними на самолетах, кружился в «имельманах», шел в стремительный «штопор», качался «листочком» — прошел весь курс высшего пилотажа.

Другой добился того, что собака, вполне здоровая, корчилась с пеной у рта в припадке эпилепсии, хотя никогда ею не болела, а другая, с сердцем, сильным и ровным, как мотор, всегда спокойно выносила вливание физиологического раствора, испытывала всякий раз сердечный приступ, лишь только при вливании видела в дверях безмолвную фигуру Долинова.

Они работали, как многие в этом героическом городе. Однажды их вызвали в один из штабов: «Вам поручается организация госпиталя. Через три дня поступят первые партии раненых. Вот комис-

сар госпиталя. Знакомьтесь. Действуйте». И они начали действовать. Быстро. По лестничным клеткам Васильевского острова, по этим огромным домам и деревянным домикам с мезонинами пошли женщины с пустыми корзинами. Они возвращались, нагруженные тарелками, вилками, ножами. Студенты свозили столы и столики. Студентка ожесточенно ошпаривала крутым кипятком полы и лестницы. Трещали во дворе старого здания автогены, сваривая металлические части старых кроватей. Кто-то ташил мороженники на резиновом ходу, придумав приспособить их под развозку пищи по палатам.

И, пока шла эта суматоха организации, оба ученых устанавливали общие основы лечебной практики, которую они решили здесь применить. Это была та жатва, которую они собирались снять с лет, проведенных в тиши лабораторий.

Ускорение процесса заживления ран. Ассистентка вспоминает, как народная медицина в горах родной Сванетии использует алоэ, цветет с зелеными мясистыми листьями. Ягунов и Долинов исследуют состав, даваемый отжатыми листьями алоэ, они роются в справочниках, в руководствах. Да, есть смысл в народной медицине, и по просьбе госпиталя оржанжерен Ботанического сада взращивают под ленинградским небом алоэ.

Широкое применение нашло и павловское учение о торможении, запинаящем первую систему от разрушения.

В лазарет доставили бойца, тяжело контуженного авиабомбой. Он сидел, скрючившись, устремив перед собой ничего не выражающий мутный взгляд. Он больше не слышал и не говорил. Ему подсовывали листик бумаги: «Напишите что-нибудь». Он недоумевающе глядел на белый лист, что-то с трудом соображал, потом радостно кивал головой и часами выводил с трудом каракули непослушной рукой. Он ничего не сознавал.

Ему не давали возбуждающих средств. Ученик Павлова заставлял отдохнуть нервную систему больного. Ученый прибег к лечению сном. Девять суток спал боец, жестоко контуженный авиабомбой, девять суток он был исключен из внешнего ми-

ра. Больной спокойно и ровно дышал, временами просыпался, ел и вновь уходил в спасительный сон.

Потом прием снотворного был прекращен. Он проснулся. В тот день над городом завывала сирена воздушной тревоги: налет! Больной спокойно сидел на койке. Мимо него торопливо прошел врач. И произошло необычайное — человек, потерявший дар речи, заговорил: «Доктор, а мне спускаться в убежище?»

Так в старом елизаветинском здании со сводчатыми, выбеленными стенами нашло свое приложение в дни великой отечественной войны павловское учение о защитной роли торможения коры головного мозга.

Курс сонной терапии сокращался. К койке больного подходил профессор с большими очками без оправы, из-за которых глядели внимательные, спокойные глаза. Профессор присаживался к больному, мягко, но властно убеждал больного уснуть. Сон смыкал глаза больного. Ученый спокойно смотрел на спящего, а когда проходило пять минут, говорил ему: «Вы проспали два часа». Проходило еще пять минут, ученый опять говорил: «Теперь вы проспали четыре часа». Так больной проспал «восемь часов», а когда проснулся, то почувствовал себя так, словно он и в самом деле столько спал.

И в этом нет ничего удивительного. Это все продолжение работ великого Павлова. Вся жизнь свою мечтал прославленный русский ученый-гуманист о том, что идея его проложит путь к постели страждущего человека. «Наш метод на патологическом поле себя еще только покажет». Мечта ученого была воплощена при защите родного города, который Павлов так любил, в котором жил, работал и умер.

★

Нет, не покинула стойкость духа людей города Ленина. Они проходят тяжелое испытание временем, стужей, бомбардировками. Они это испытание выдержат.

Д. СЛАВЕНТАНТОР.

ЛЕНИНГРАД. (По телефону).